

Меняют смысловой облик слова не только приемы сопоставления, но и формы противопоставления.

Контраст может быть стилистически экспрессивным. Пренебрежительной формуле просторечия с той иной целью противопоставит торжественно-книжное выражение: «Он меня лаает; а я ему рекл: „благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет“» (стр. 11). Так Аввакум показывает пропасть между собой и псом-начальником, который ему «у руки огрыз персты, яко пес, зубами» (стр. 10).

Антитеза бывает предметно-смысловой. Иногда она основывается на функциональном несоответствии противопоставляемых слов: «Аз же, взяв клюку, а мать — некрещенова младенца, пошли з братьею и з домочадцы, амо же бог наставит» (стр. 164). Иногда же эта антитеза построена на метафорическом, каламбурном переосмыслении одного из членов противопоставления: «молод леты — годов в полтретьятцеть, да ум столетен» (стр. 205);⁸ «Они ж не имут что отвещати ми, вяжут да куют Меня. Но слово божие не вяжется» (Письмо «чаду о господе», стр. 954);⁹ «Вы постигосте верси горам, а мы получихом верси бедам» (стр. 949).

Контраст бывает основан и на игре приставок: «И о сем твоём изумлени и безумни и играют, а разумни и рыдают» (стр. 618). Особенно эффектны контрасты с рифменными соответствиями: «Людем казался благ, а внутрь враг»; «Перед человеки являются свят, а по внутреннему человеку клят» («Послание братии на всем лице земном», стр. 777).

Смысловая антитеза иногда заостряется синтаксически: «Также в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов» (стр. 18).

В других случаях на основе контрастного сцепления слов происходит нейтрализация соединенной с каждым из них экспрессивной окраски, и возникает новый символ (оксиморон): «Остриг ево овчеобразный волк» (в редакции Б, стр. 171); ср. в «Книге бесед»: «Грех ради моих суров и безчеловечен человек» (стр. 175; ср.: «человеколюбив человек бысть», стр. 333).

Неожиданное сравнение по своей функции занимает середину между антитезой и каламбуром. Семантическое прикрепление к последовательно развивающейся фразовой цепи «бокового» звена иного стилистического колорита в форме сравнения не только передвигает значения всего словесного ряда, меняет его экспрессию, но и «обманывает», нарушает возможные смысловые разрешения, включая их в новое многозначное стилистическое единство: «...волоча впредь и взад 12 лет, паки к Москве вытощили, яко непогребеново мертвецца» (стр. 247—248); «В еретиках жестоки нравы и неизвратны на благое; зудит так его слово-то правое, яко мозоль» (стр. 494).

Форма сравнения является также одним из приемов выхода за пределы церковно-книжной лексики.

У Аввакума сближение словесных рядов в сравнении чаще всего осуществляется при посредстве глагола, который становится семантическим центром двух синтагм, двух фраз и как бы внутри себя реализует борьбу, перелом двух значений: «Так-то у еретиков тех у всех вымысл: верхи у Писания — тово хватают, что мыши углы у кних — тех угры-

⁸ Ср.: «Словом духовнии, а делом беси» (стр. 779).

⁹ Ср.: «Слово божие не вяжется» — цитата из 2 посл. ап. Павла Тимоф., II, 9 (стр. 820).